

БАТУМСКАЯ ЗИМА ПОЭТА

«Батумская зима» Есенина [с декабря 1924 года по февраль 1925-го] войдет в историю русской поэзии так же, как вошла «болдинская осень» Пушкина. В маленьком аджарском городке Есенин пережил необыкновенный творческий взлет.

«Так много и легко пишется в жизни очень редко». «работается и пишется мне дьявольски хорошо». «это прорыв» — вот характерные утверждения в его письмах из Батума. В 1924—1925 годах у Есенина было время самой плодотворной творческой работы. Он говорил: «Наступила моя пора болдинской осени!»

В Батуме, куда его пригласил старинный друг Лев Повицкий, Есенин нашел то, к чему стремился: «тихую обитель», приют трудов и вдохновения. Поражает уже само количество написанного за два с половиной месяца: завершены «Персидские мотивы», выстроено черное многоплановое здание «Анны Снегиной», написаны еще 9 стихотворений: «Цветы», «Льву Повицкому», «Письмо деду», «Батум», «Метель», «Весна», «Капитан земли» (к 1-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина), «Воспоминание», «Мой путь». Слово предчувствуя близкую гибель, поэт спешил осуществить свое жизненное предназначение...

Что потянуло Есенина в Батум? Прежде всего, конечно, приглашение «старинного друга» («Из Батума получил приглашение от Повицкого», — сообщает поэт Г. Бениславской). А от Батума — рукой подать до Босфора. Один из членов закавказского правительства, большой поклонник Есенина, — пишет друг поэта Н. Вержбицкий в своих воспоминаниях, — дал письмо к начальнику батумского порта с просьбой посадить нас на какой-нибудь торговый советский пароход с маршрутом: Батум — Константинополь — Батум.

...И вот трое «матросов» — Есенин, Вержбицкий и художник Костя Соколов — сходят с поезда на батумскую землю. Самое прекрасное в мире — бродить утром по незнакомому городу... В письме Бениславской поэт описывает первые дни в Батуме: «Однажды утром мы... едем к Лева (Повицкому). — Э. И. и видим такую картину: идет на костылях хромота старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух... Зрелище поразительное. Я соскочил с извозчика и попросил, чтоб он продал мне одного щенка. Он посмотрел на меня и сказал: «Только для тебя»... Что это такое, Галя? Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля».

Эпизод так поразил поэта, что в стихотворении «Батум» возникла строфа: «А смеяться есть чему причина. Ведь не так уж много в мире див. Ходит полоумный старичина, Петуха на темень посадив».

А чем жил в эти дни литературно-театральный Батум? Чуть раньше Есенина прибыл в город молодой московский поэт-футурист Давид Виленский с актрисой Театра им. Мейерхольда Анной Матвеевой. Решено было устроить «суд над футуристами». По словам мемуаристов, свое выступление на «суде» Есенин свел в шутку: молча вытащил из-за пазухи того самого рыжего щенка, который и облаял футуристов... Вплоть до 18 декабря 1924 г. газета «Трудовой Батум» печатает отклики на «суд над футуристами», приводит текст «приговора»: «Русский футуризм так же, как покойный символизм и ныне распадающийся имажинизм, явившись некоторое время полезным ферментом литературного брожения, — ныне, как и два вышеупомянутых течения, становится фактором, задерживающим нормальное развитие литературы».

Тут любопытно упоминание о «распадающемся имажинизме». Всего три месяца назад — 31 августа 1924 г. — «Правда» опубликовала письмо С. Есенина и И. Грузинова о роспуске имажинистской группы. Разъяренные имажинисты во главе с Мариенгофом и Шершеневичем ответили письмом в журнал «Новый зритель» (№ 35, 1924), где не постеснялись облить грязью своего бывшего вождя: «Есенин в нашем представлении безнадежно болен психически и физически...». И это говорилось о человеке, который был на пороге высочайших творческих свершений! Разрыв с бывшими соратниками — еще одна причина того, почему Есенин не торопился обратно в Москву.

К 13 декабря из гостиницы «Ной» поэт переехал на квартиру к Повицкому, в дом № 9 по Вознесенской улице (ныне улица Энгельса). Лев Осипович Повицкий (1885—1974) был профессиональным революционером, поэтом-каждодневником, участником альманаха «Иркутские вечера» (издание группы поэтов в Иркутске, 1916). К сожалению, уже нет в живых этого замечательного человека с революционным прошлым, прожившего почти 90 лет. По словам его сына И. Л. Повицкого, отец бросил писать стихи после того, как подружился с Есениным, осознав, что Есенин — мастер, а он — всего лишь дилетант. Тем не менее ничто не омрачало этой дружбы, начавшейся еще в 1918 году в литературной студии московского Пролеткульта.

В «Трудовом Батуме» я обнаружил две статьи Л. Повицкого под общим заголовком «Сергей Есенин» (в номерах за 9 и 24 декабря 1924 г.). Они будут перепечатаны полностью в сборнике «Есенин в Грузии», который готовит-

ся к выходу в издательстве «Мерани», а здесь рискну высказать предположение, что многое в статьях Повицкого вынесено из личного общения с поэтом, как бы «продиктовано» им. Вот некоторые отточенные формулы из этих статей:

«...Есенин весь в горении, в непрестанном искании, в неутолимой жажде раскрыть, добыть и дать миру то, что он видит «внутренним оком», что осязает в себе как в поэте и гражданине... «Печь, петух и сельский кров» для него дороже американского небоскреба. Он объездил Европу и Америку и вот вернулся в свою «Рязань», вернулся, ибо здесь он опять обретает себя, ибо без «Рязани» он мертв...

18 книг стихов! 36 изданий! Кто из современных русских поэтов может похвастаться подобным вкладом в художественную литературу? Чем вызван этот необычайный успех поэта? Каковы заслуги Есенина в русской литературе?

...Есенин влил в русскую поэзию струю родной образности. Худосочную и пыльно-серую интеллигентскую строку он наполнил соком и кровью крестьянского почвенного слова. Весь мир для него — крестьянское трудовое хозяйство, все светлое и радостное в мире ассоциируется у него с родными и близкими предметами мужицкого обихода. Но сами эти деревенские предметы вырастают у него в размеры сверхкрестьянские, уже аллегорического свойства... Есенин в «Инонии» и в «Пантократоре» выступает в роли социального проповедника, зовущего человечество строить новый широкий трудовой мир вне пределов религии государственности и земной ограниченности. «Красного Коня» революции он зовет «вывести наш шар земной на колею иную»...

Одноэтажный дом на Вознесенской уютно расположен в глубине мандаринового сада. Двухязычная (на русском и грузинском языках) мемориальная доска гласит: «В этом доме жил и работал поэт Сергей Есенин. Декабрь 1924 г. — февраль 1925 г.» Сохранился и дом в Тбилиси, на Коджорской, где Есенин жил у Вержбицкого.

Россия благодарна Грузии за все, что сделано для увековечивания памяти поэта. Однако хорошо бы оба домика, в которых жил и творил Есенин, сделать мемориальными: дать современные квартиры нынешним жильцам, а эти домики сохранить для потомков. Такую инициативу мог бы взять на себя грузинский Музей дружбы народов.

А в Батуми я видел первоначальный план домика на Вознесенской, где крестиками отмечены комнаты Есенина и Повицкого («Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать» — приписка в письме Бениславской). 13 декабря 1924 года «Трудовой Батум» напечатал стихотворение Есенина «Льву Повицкому» с многозначительной концовкой: «Теперь влюблен в кого-то я. Люблю и тихо призываю. Но все же точкой корабля К земле любимой приплываю». Увы, в собраниях сочинений Есенина строка звучит иначе («В кого-то я Теперь влюблен») — так, что исчезла рифма «кого-то я — корабля», о чем в примечаниях указано, что стихотворение «печатается по первой публикации».

«Теперь влюблен в кого-то я»... Да, лучше всего работает поэт в состоянии влюбленности! В неопубликованной части воспоминаний Повицкого (ГИНБЛ, фонд 393, карт. 4, ед. хр. 2) рассказано о двух увлечениях поэта в Батуме. Одно имя знают все — это Шаганэ. Но была и другая — Ольга Кобцова, которой посвящен предсмертный лирический цикл «Стихи о которой». Вот что пишет о ней Л. Повицкий:

«Одно время нравилась ему в Батуме «мисс Оль», как он сам ее окрестил. С его легкой руки это прозвище упростило за ней. Это была девушка лет 18-ти, внешним видом напоминавшая гимназистку былых времен. Девушка была начитанная, с интересами и тяготением к литературе, и Есенин встретил восторженно. Они скоро сошлись, и Есенин заговорил о браке». Но этому браку, однако, не суждено было состояться. И далее Повицкий описывает следующую сцену: «...Вечером я в ресторане увидел за столиком Есенина с «мисс Оль»... Есенин меня окликнул и пригласил к столу. Девушка поднялась и, с вызовом глядя на меня, произнесла: «Если Лев Осипович сядет, я сейчас же уйду». Есенин, иронически улыбаясь прищуренным глазом, медленно протянул: «Мисс Оль, я Вас не задерживаю...». «Мисс Оль ушла... След о ней остался в стихотворении Есенина:

Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»,
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

Можно лишь гадать, как сложилась бы жизнь Есенина, если бы его чувство к мисс Оль «сумело расцвести». Попав в конце 1925 года в больницу, поэт возвращался мыслями к этому несбывшемуся браку. И если имя Шаганэ (Шага) упоминается в шести стихотворениях «Персидских мотивов», то Ольга Кобцова — героиня семи предсмертных стихотворений, шедевров поздней есенинской лирики. Два из них не дошли до нас, одно известно только в пересказе

друга поэта — Василия Наседкина: «Буря воет, буря злится... Из-за туч луна, как птица, Проскользнув крылом стремится...». Редчайший снимок, датированный 18 декабря 1924 года, — Есенин и Ольга Кобцова на батумском бульваре — опубликован во 2-м томе известной литературной хроники В. Белоусова.

Имя Есенина мелькает в «Трудовом Батуме» порой в самом неожиданном контексте. Под рубрикой «Колючки быта» (13 января 1925 года) публицист Вен. Павлович протестует против искажения русского языка: «Мы переживаем эпоху искажения замечательного языка, по четкости выражения перецегающего мраморные формы благородной латыни, а по красоте звука даже lingua sonore, итальянский язык; переживаем эпоху Исруяза — искажения русского языка. Последователи исруяза завелись и у нас в Батуме и пока выпустили одно печатное произведение — «Постановление о предельных ценах на изделия Резинотреста»... «...Есенин, куй свой стих про резиновые дирижабли в облаках!» (С подобным призывом естественнее было бы обратиться к Маяковскому, но, видимо, эти имена в то время объединялись в сознании читающих и пишущих).

И можно только позавидовать русской поэзии 1924 года, когда одновременно Маяковский писал поэму «Владимир Ильич Ленин», Есенин — «Анну Снегину», Пастернак — «Девятьсот пятый год», Сельвинский — «Улылаевщина»!

Батумская зима не была идиллической в погодном смысле. 25 декабря над Батумом пронесся циклон, скорость ветра достигла 30 метров в секунду. «Черт знает что такое с заносами», — пишет Есенин Вержбицкому. — Я думал, что мы погибнем под волнами прыгающего на нас моря». А 30 декабря тропический городок был погребен под небывалым снегом. Такое в Батуме случается раз в сто лет. «На Бакинской улице во дворе дома 28 навалено снега на 5 аршин», — сообщил «Трудовой Батум». — Жильцы дома прорыли туннель, через который выходят на улицу». Не это ли обилие снега подсказало поэту фамилию героини поэмы — Снегина?

И Шаганэ вспоминала, что в эти дни Есенин катал ее на санях, сидя на месте возницы. Он дарит Шаганэ книгу «Москва кабацкая» с дарственной надписью: «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне». (Заметим в скобках, что эти строки — перефразировка строк из стихотворения «Поэтам Грузии»: «И потому в чужой стране Вы близки и приятны мне»).

А тропический городок после снегопада стал совсем похож на среднерусские города. Озеро Нурье-Гель замерзло, что случается тоже раз в сто лет. Под заголовком «Оживление охоты» местная газета сообщает: «В связи со снегопадом наблюдается обилие четвероногой и пернатой дичи». Не это ли сообщение подсказало сцену охоты в «Анне Снегиной»? «И дичи здесь, братец, до черта, Сама так под порох и прет».

Батумская зима — лучшее время в жизни Есенина, время необычайного — и последнего! — цветения его духа. В одну из январских суббот Есенин был на домашнем концерте у пианистки Е. К. Селезневой, которая жила на Комаровской улице, 11 (ныне улица Шаумяна). В неопубликованных воспоминаниях А. А. Лаппа-Старженецкой (Чачуа) рассказывается: «Замерли последние, героические звуки баллады Шопена. Оглянулись. Есенин нигде не было. Исчезать, как привидение, было особенностью Есенина».

Почему же Есенин исчезал даже с домашних концертов, из общества прелестных батумских девушек? Да потому, что он знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — и этой страстью была всепоглощающая работа над «Анной Снегиной».

С последних чисел января солнце заливало горячими лучами Батум. Глыбы снега, как по волшебству, исчезали, и в феврале уже можно было ходить без пальто. Из садов, скверов, с гор несли миндальный запах подснежников. А Есенина потянуло домой, в Москву. Он пробыл в Батуме до 20 февраля, все меньше времени проводя за работой.

Чем вызван был высочайший подъем творческого духа Есенина во время батумской зимы? Не только благоприятными бытовыми обстоятельствами (хотя и это существенно), не только обилием новых впечатлений, когда катклизмы в природе (вплоть до землетрясения) как бы переключались с процессом душевного обновления. Любовь? Но не станем гадать. Дело жизни было сделано: Есенин вез в Москву «Персидские мотивы» и «Анну Снегину».

Батумская зима Есенина навсегда останется в истории нашей литературы как время прозрений, время, когда он «понял, что такое поэзия».

Э. ИОДКОВСКИЙ

БАТУМИ — МОСКВА.